

Острейшая социокультурная проблема наших дней, о которой неустанно заявляют учителя словесности и библиотекари, – дети не читают. Да и взрослые за последние тридцать лет словно разучились читать. Зато пишут едва ли не все – от мала до велика. Удивительная у нас страна! Поголовно пишущая. Для утоления потребности пишущих людей во внимании и восторге существует множество ресурсов. Графомания расцвела пышным цветом. Более того – о сущности этого явления ведутся нешуточные споры. Действительно, существуют ли общепризнанные критерии для «отделения зёрен от плевел». На основании чего мы определяем качество текста – графоманский он, или «настоящий»? Вопрос до сих пор – открыт.

Зато тенденция к повсеместному «обучению на писателя» становится всё более и более определённой. Курсы «литературного мастерства» растут, как грибы после дождя. И это при том, что подавляющее большинство нынешних самодельных писателей вполне отдаёт себе отчёт, что их творения будут прочитаны лишь в узком кругу знакомых, да и то через строчку... то есть, по большому счёту, никому не нужны.

На литературном форуме в Челябинске о том же с горечью говорил молодой организатор литературного процесса из Калуги: мы же все прекрасно понимаем, что и наши имена, и наши произведения потоком времени будут смыты в небытие; ни о них, ни о нас никто никогда не вспомнит. Тогда – зачем всё это?

Зачем столько писателей, если нет читателей? Да и кто он такой, этот читатель книг? Всякий ли, пробежавший по буквам глазами, может ручаться за то, что он действительно ПРОЧЁЛ то, что написал автор?

Замкнутый круг. Современные писатели пишут много, разное и по-разному, но читатель остаётся фигурой вожденной и таинственной. Когда мне пеняют о нашем литературном журнале «День и Ночь»: – мол, кому это всё надо, кто его читает? – я отвечаю: наш читатель – он же и писатель, наш автор – он же и читатель. Поскольку писателей ОЧЕНЬ много, то и читателей хватает. Правда, писатели, как правило, интересуются только своей публикацией... со всеми вытекающими последствиями.

Между тем, читатель в творческом событии художественной литературы – субъект деятельно-

сти не менее важной, чем деятельность автора. Всё это глубоко, подробно и, кажется, исчерпывающим образом раскрыл и осветил М. М. Бахтин. Анекдот, бродивший в стенах Литературного института (не помню уже, с чьей подачи): «Маяковский повлиял на Евтушенко не больше, чем Евтушенко повлиял на Маяковского».

Читателю как желанному собеседнику посвящены вдохновенные строки – как в стихах, так и в прозе, начиная с незапамятных времён... Произносишь «читатель» – и тут же на слуху:

А каждый читатель как тайна,
Как в землю закопанный клад,
Пусть самый последний, случайный,
Всю жизнь промолчавший подряд.

Там всё, что природа запрячет,
Когда ей угодно, от нас.
Там кто-то беспомощно плачет
В какой-то назначенный час.

И сколько там сумрака ночи,
И тени, и сколько прохлад,
Там те незнакомые очи
До света со мной говорят,

За что-то меня упрекают
И в чём-то согласны со мной...
Так исповедь льётся немая,
Беседы блаженнейший зной.

Наш век на земле быстротечен
И тесен назначенный круг,
А он неизменен и вечен –
Поэта неведомый друг.

Без читателя труды писателя не только напрасны, они – невозможны. Даже разговаривая с самим собой, обращаясь к самому себе, – писатель полагает своему творческому усилию собеседника. И от того, каков этот собеседник, в творческом акте зависит всё!

Кто же он такой, «неведомый друг» писателя, будь то классик или наш современник? Евгений Андреевич Корсунский, выдающийся специалист в области психологии творчества и совершенно уникальный в развитии проблематики психологии литературного творчества, прямо утверждал, что

«такие компоненты читательских способностей, как воображение, способность к перевоплощению, эмпатические способности, чувство художественной формы и способность к эстетической оценке литературного произведения, по сути дела, одновременно являются и компонентами структуры литературно-творческих способностей. Поэтому читательские и литературно-творческие способности правомерно рассматривать как способности родственные, входящие, в свою очередь, в такое сложное образование, которое именуется литературными способностями».

Иными словами, литературная деятельность – это и есть деятельность «читательско-авторская», в которой обе стороны неразрывно связаны друг с другом и с необходимостью друг друга обуславливают.

И вот тут – перед нами снова проблема. Если, как считают многие, нельзя «выучить на писателя» (так часто повторял, например, В. П. Астафьев), то можно ли «выучить на читателя»? А если можно – то где и как? В общеобразовательной школе? Отлично. Но ещё в советское время вокруг «литературы в школе» было сломано столько копий, что гора, образовавшаяся из их обломков, так до сих пор и не разобрана. Договорились даже до того, что как учебный предмет «литература» вообще не нужна. Потому что... не «образами» же пресловутыми пичкать детей, вызывая у них только отвращение к литературной классике. Тот же Виктор Петрович – на моей памяти – много раз упрекал школьных учителей в том, что они убивают у школьников интерес к литературе. С внедрением ЕГЭ тревоги эти вполне подтвердились. Дети не читают. Раз. Присущее каждому ребёнку стремление к творчеству не в меру активные взрослые – подбадриваемые чем-то неведомым мотивированными чиновниками от образования – канализируют в графоманское русло. Два. В результате теряем и читателей, и писателей. Выживают, увы, немногие (почти не шучу).

Где же «выход из этого исхода?». Ещё в 1997-м году, защищая проект Красноярского литературного лица перед научно-педагогическим сообществом, я написала статью «К проблеме предмета литературной деятельности школьника». Позволю себе автоцитату из преамбулы к этой статье:

«В преподавании литературы в школе, на наш взгляд, до сих пор сосуществуют две полярные тенденции: одна ведёт к признанию за художественной литературой роли важнейшего средства воспитания и социализации растущего человека, средства, активно и целенаправленно используемого учителем, другая сводится к максимальному удалению школьной литературы от возможности направляемого учителем воздействия на личность, не воспитательная, а образовательная идея выступает здесь на первый план, и задачей учителя становится введение ученика в лабораторию литературного ремесла, в мир делания

текста. В первом случае предметом внимания учителя и учеников являются нормы морали, правила общежития, условия их исторического становления, противоречия, изменения, может быть, самоопределение в этом поле и т. п. (Как пишет об этом В. С. Библер, «это упорное превращение искусства в некий сборник наглядных примеров и образцов «правильной жизни»). Добавим – или примеров «неправильной жизни», приводящей к дурным последствиям. Во втором случае предметом деятельности становятся структуры художественного текста, язык, которым пользуется автор, форма произведения, чрезвычайно важными здесь являются специальные литературоведческие знания, возникает поле научной филологии. В крайних вариантах практического воплощения обеих тенденций и литературе, и ученику наносится неизбежный ущерб. Либо мы теряем литературу в её несводимости ни к философии, ни к социологии, ни к морали, ни к историческому контексту, либо теряем её действительные возможности и место в жизни человека, который приучается смотреть на неё лишь как на предмет научного анализа, на предмет исключительно познавательный.

Мне представляется, что проблема предмета литературной деятельности школьника сводится в сущности к двум вопросам:

1. Должна ли школа готовить – пусть исходя из некоторого минимума представлений об этом – литературоведа-филолога, или её цель – «выращивание читателя»?

2. Если мы признаем, что предпочтительным является второе, к чему склоняется всё больше учителей, то, что следует подразумевать под термином «квалифицированный читатель»? Что представляет собой литературная деятельность как деятельность человека, воспринимающего художественное слово?

Предметом всякой культурной деятельности М. М. Бахтин считал «взаимоотношение и взаимодействие духов». Это – предмет основополагающий, основа общения любого автора с другим и другими, главная задача, которая перед автором неизбежно встаёт, коль скоро он берётся за перо. «Автор, – пишет Бахтин, – создавая своё произведение, не предназначает его для литературоведа и не предполагает специфически литературоведческого понимания, не стремится создать коллектива литературоведов. Он не приглашает к своему пиршественному столу литературоведов». Автор хочет прежде всего адекватного читательского понимания.

ПОНИМАНИЕ – особая категория бахтинской эстетики. Это условие и продукт диалога, в котором участвуют говорящий и слушающий, понимающий и понимаемый. Автор высказывается относительно волнующих его идей и вещей и ждёт активной реакции, ответа: согласия, сочувствия, возражения, исполнения.

Собственно говоря, вся история культуры может рассматриваться как непрерывный и принципиально незавершимый диалог авторских сознаний: вопрос – ответ, новый вопрос – новый ответ... и так до бесконечности. Здесь важен каждый голос: каждый создаёт свой текст, своё высказывание (это может быть реплика в диалоге, рисунок, танец, поступок, стихотворение, роман, жест), своё звено в цепи речевого общения.

Читатель – фигура необычайной значимости. Его роль важна не менее авторской в жизни культуры. Читатель вовлекается автором в особый мир, предназначенный для «индивидов, связанных какими-то общими условиями жизни – в конечном счёте, узами братства на высоком уровне». Это мир ценностей, то есть отношений к истине, добру и красоте, мир, в котором возникает, испытывается, меняется, развивается, преломляется смысл. Создавая произведение, автор относит его к предшествующим (чужим) высказываниям (спорит с ними, опровергает их, соглашается с ними, уточняет их и т. д.) и апеллирует к реакции (ответу) читателя, для которого ситуация встречи осложнена собственным жизненным контекстом, социокультурным содержанием переживаемого момента истории. Отсюда – произведение искусства никогда до конца не готово, оно принципиально открыто для сотворчества, его жизнь с последним словом, вписанным в него рукою автора, только начинается. Каждый новый читатель – автор собственного понимания, собственного смысла, связывающего в единое целое, собирающего в единый пучок отдалённые звучания предшествующих эпох с их неповторимыми голосами и собственный голос, проникнутый живыми интонациями своего исторического момента. «Сотворчеством понимающих» называл М. М. Бахтин читательскую деятельность.

К такому сотворчеству в идеале и должен готовиться человек на уроках литературы. Но вопрос остаётся – КАК?

Само понятие «квалифицированный читатель» возникло у разработчиков проекта Литературного лица в то время, когда в учебный процесс разных уровней уже вовсю внедрялись «компетентности» – акцент был сделан не на творчество, а на потребление. «Квалификация» – это ведь не просто «я в этом разбираюсь», а то, что я могу сделать с помощью имеющихся инструментов. Тут важна степень владения инструментами или хотя бы знание об инструментах, о том, что вот такое и такое есть и может быть использовано так-то и так-то... Работая над проектом Лицея, мы с Сергеем Юрьевичем Кургановым в конце концов изобрели определение...

Вот такое:

«Мы предполагаем, что при условии расширенного и углублённого, преподавания словесности и других гуманитарных дисциплин, с одной стороны, и **формирования специфического разновозрастного круга общения читающих и пишущих людей**, с другой, ребёнок, интересующийся миром культурных ценностей и художественного слова,

получает дополнительные возможности для становления и развития собственных читательских и авторских способностей».

ЦЕЛЬЮ образовательного процесса в таком случае является становление **квалифицированного читателя**.

Квалифицированный читатель:

- способен вести продуктивный диалог с авторами произведений культуры и другими читателями, то есть
- способен понять автора произведения культуры;
- выразить своё понимание в различных «реагирующих» читательских жанрах, в форме, предполагающей понимание других (эссе, рецензия, заметки на полях, суждения вкуса и т. п.);
- воспроизводить в сознании множество вариантов прочтения, не совпадающих друг с другом; и видеть, что произведение может не совпадать ни с одним из вариантов его прочтения.

При этом предполагается, что квалифицированный читатель в современных условиях не вырастает один на один с книгой. Для его развития необходимо построение учебного сообщества понимающих культуру людей (см. исследования Е. Е. Шулешко, Г. А. Цукерман, И. Е. Берлянд, А. Н. Юшкова и др.). Детское учебное сообщество в своём становлении проходит определённые стадии:

- сначала ребёнок учится удерживать «предмет понимания», общий для всех участников беседы (автора произведения, учителя, товарищей). Это может быть само произведение культуры как целое, читательская интонация или литературоведческое понятие; учится высказывать мнение о предмете понимания, оформлять это мнение словесно или в виде рисунка (схемы), делать своё понимание ясным для других участников разговора, в этом ему помогают учитель и другие ученики.
- на следующем этапе работы ребёнок учится слышать и воспроизводить (словесно, в рисунке, в схеме) понимание другого участника разговора (ученика или взрослого). Итогом этого этапа является способность воспроизвести как одновременно существующие свою и чужую точки зрения. Постепенно дети начинают осознавать это как проблему, попадают в «точку удивления»

Существование различных мнений перерастает в спор. Возникает необходимость обоснования своей позиции, более глубокого понимания позиции собеседника.

Каждый из членов учебного сообщества может оформить историю становления понимания того или иного произведения культуры этой группой в учебном произведении.

Центральной точкой приложения сил взрослого и детей является оригинальный авторский текст.

Представляется важным включение в образовательный процесс философских, культурологических, науковедческих и литературоведческих произведений, которые рассматриваются не только как источники норм и образцов понимания, но и как высказывания людей, так или иначе оформивших свою читательскую позицию и интонацию чтения.

Не менее существенным нам кажется поиск каждым учащимся собственной читательской интонации и речевых жанров её оформления.

По нашим наблюдениям, в учебном сообществе, длительно работающем под руководством взрослого литератора, культуролога, философа, постепенно

вырабатываются определённые вкусовые оценки, язык обсуждения произведений, стиль речевого поведения.

Возможно, что внутри такой долгой и кропотливой читательской, литературоведческой, культурологической работы кто-то из участников учебного сообщества станет профессиональным писателем, кто-то – философом или историком, журналистом или литературным критиком, математиком, глубоко интересующимся историей и философскими основаниями своей науки, или педагогом, ориентированным на ценности гуманитарного образования. Но для того, чтобы этот уникальный авторский голос обнаружился, необходимо длительное воспитание читателей, способных его услышать.